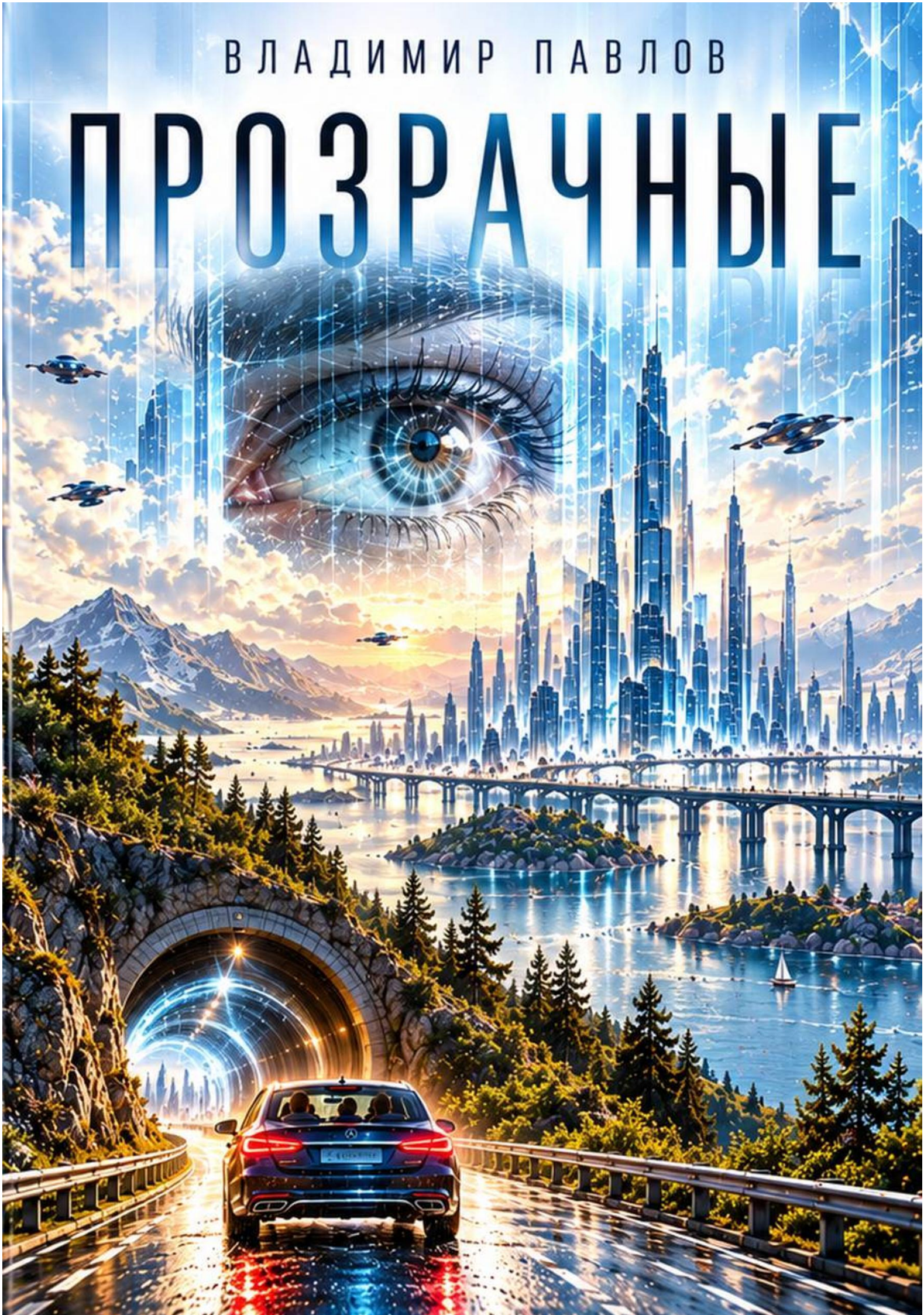
ВЛАДИМИР ПАВЛОВ

ПРОЗРАЧНЫЕ

Владимир Павлов

Прозрачные

«Автор»
2026

Павлов В. О.

Прозрачные / В. О. Павлов — «Автор», 2026

ДВА МИРА.ОДНА СЕМЬЯ.И ДОРОГА, КОТОРАЯ МЕНЯЕТ ВСЁ.Обычная семейная поездка к морю оборачивается переходом в другой мир.В мир, где всё прозрачно. Где дома из стекла, машины из прозрачного пластика.Ноль преступности. Ноль тайн.Здесь за тобой наблюдают всегда.Здесь всё под контролем.Здесь даже дома нет штор.Это идеальное общество, в котором технологии знают о тебе больше, чем ты сам.Но действительно ли оно лучше? И есть ли путь обратно?

© Павлов В. О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 16
Глава 5 20

Владимир Павлов
Прозрачные

Глава 1

Дорога сужалась. Сначала пропала обочина, потом разметка, потом встречная полоса. Осталась колея: слева скала, справа пропасть. Андрей вцепился в руль, но пальцы не слушались. Они были длиннее его пальцев и холоднее.

— Надо успеть до дождя, — сказал он.

Голос тоже был не его. Он глянул в зеркало заднего вида. Лена сидела сзади, рядом с Катей. Обе смотрели в окно. Лица спокойные, без выражения.

— Где Игорь? — крикнул он, оборачиваясь. — Игорь! Где он?

Никто не ответил.

— Где мой сын?!

Лена спокойно повернулась к нему.

— Он сзади, — сказала она.

Андрей медленно повернул голову вправо. Лена сидела рядом, на пассажирском. Смотрела вперед. В голове что-то не сходилось. Он снова глянул в зеркало. Теперь сзади были Катя и Игорь. Катя, разумеется, уткнулась в свой чёртов телефон — большой палец быстро скользил по экрану, наверное, листала ТикТок, эти бесконечные пятнадцатисекундные ролики, от которых у нормальных людей начинается эпилепсия. Игорь прижимал к груди Бориса — этот дурацкий пылесос, который он таскал везде, как плюшевого мишку. Синий индикатор на корпусе горел ровно, успокаивающе. Всё было правильно и на месте, кроме рук на руле.

Внезапно из тумана показался туннель, похожий на чёрную раскрытую пасть зверя в скале, и машина сама, без воли Андрея, закружилась и заскользила к нему. Руль крутился в руках легко, казалось, что колеса оторвались от земли. Он вдавил тормоз. Нога провалилась. Педаль ушла в пол легко, без сопротивления.

— Тормози! — сказали откуда-то сбоку. Голос прошёл через правое ухо и вышел через левое.

Он нажал сильнее, всем весом. Педаль ушла еще глубже, но движение не замедлилось. В салоне запахло горелой проводкой. На затылке, у самой кожи, он почувствовал дыхание. Тёплое, влажное. Кто-то стоял за спиной.

Свет фар погас, стало совсем темно. Машина перестала вибрировать. Андрей обернулся. Сзади был только Игорь. Мальчик сидел над пустотой, свесив ноги туда, где должно было быть сиденье. На коленях у него лежал разобранный Борис. Мотор, шестерёнки, провода — всё аккуратной кучкой. Игорь перебирал детали.

— Пап, — сказал Игорь, не поднимая глаз. — Он не крутится. Ты забыл смазать.

Андрей дернул рукой, но пальцы не разжались. Он хотел крикнуть, но рот наполнился густой, отдающей железом слюной. Из темноты за спиной Игоря вытянулись чёрные провода. Они легли на плечи Андрея, обвились вокруг шеи, стягивая, врезаясь в кожу. Игорь продолжал перебирать детали.

— Ты же обещал, пап, — сказал он тихо. — Ты же обещал починить.

Провода затянулись. Андрей провалился в темноту, в тепло, в знакомый запах гари. И вдруг из тьмы появились длинные, мертвецки бледные руки. Они прошли сквозь металл машины, не повредив его, взяли Игоря за плечи, за руки, за ноги и рванули в темноту.

Игорь не кричал. Казалось, он всё понимал. Всё так и должно быть. И лишь чуть слышно произнёс:

— Папа, ты не виноват.

Андрей рванулся, но тело не слушалось. Провода держали крепко. Он кричал беззвучно, рот открывался в пустоту, и слёзы не текли, а жгли изнутри. Ослепительно белый свет ударил в глаза внезапно. Машина вылетела из туннеля, колеса ударились об асфальт. Андрей нажал на тормоз. Педаль на этот раз сработала безупречно.

Тишина. Только хриплое дыхание в ушах.

Пассажирское сиденье было пустым. Андрей обернулся. На заднем сиденье, среди разобранных деталей, моторный блок дрогнул и пополз по обивке. Шестерёнки поднялись в воздух и с сухим щелчком встали на оси. Провода сплелись в жгут и втянулись внутрь. Пластиковые сегменты сомкнулись. Раздался тихий влажный хруст. На сиденье лежал обычный чёрный пылесос. Синий индикатор мигнул.

Андрей вышел из машины. Воздух был теплым, пахло морем и чем-то ещё не опознанным. Впереди виднелся курортный город. Он хотел обернуться. Не смог. Дверь машины была открыта. Борис лежал на сиденье.

Пылесос резко дёрнулся. Индикатор вспыхнул красным. Два огонька уставились на Андрея. Из корпуса выдвинулись тонкие клешни. Они вцепились в сиденье. Борис выполз из машины. Он рос. Из него шёл звук: скрежет металла, детский плач, треск тормозов.

Андрей хотел заткнуть уши, но руки не слушались. Звук ввинчивался в череп, и в этом хаосе четко проступали слова, произнесенные его собственным голосом:

— Это ты виноват, — скрежетал он, надвигаясь. — Из-за тебя это всё. Где твой сын? Ответь!

Андрей рванулся всем телом и провалился вниз, куда-то в темноту, в тепло. Видение разрушалось, размывалось, а в ушах звучала настойчивая мелодия всё громче и громче…

Свет пробился сквозь щель в шторах не сразу, сначала просочился белой полосой по краю стены, а затем лёг тёплой тяжестью на веки. Андрей лежал неподвижно. Сердце колотилось, во рту был вкус железа и машинного масла. В ушах звучал будильник. Тонкий, настойчивый, будто в соседней комнате.

Он открыл глаза.

Потолок. Трещина от угла до лампы. Своя и такая знакомая. Он лежал и смотрел на трещину, и медленно, очень медленно, из него уходил страх. Он повернул голову. Лена спала рядом, уткнувшись лицом в подушку. Одна рука свесилась с кровати, пальцы чуть сжаты, словно и во сне она что-то удерживала, не давала упасть. Он смотрел на её запястье, на тонкую кожу, под которой ритмично билась вена. Он смотрел и боялся пошевелиться. Это был сон. Туннель, провода, руки. Игорь. Борис с красными глазами. Это было не здесь.

Он медленно сел. Внимательно осмотрел руки и ноги, всё было на месте. Он пошевелил руками и ногами, тело слушалось. Андрей глянул на часы, они показывали ровно шесть утра. Воскресенье.

Он встал тихо. Половица скрипнула под ногой. Андрей замер, подождал немного. Лена не проснулась. Он прошёл на кухню. Там было прохладно, пол под босыми ступнями оказался холоднее, чем помнилось. Он постоял, пока холод не стал терпимым. В зеркале прихожей мелькнул силуэт: сутулые плечи, седые виски, усталые глаза. Раньше он смотрел на чертежи мостов и видел в линиях нагрузку, распределение веса. Сейчас в глазах был только расчёт. И ещё что-то, от чего ему стало неловко.

На кухне пахло вчерашними котлетами. Он включил чайник и, пока вода закипала, достал из ящика планшет. Экран вспыхнул. Сверху вылезло уведомление дайджеста.

«Совет по цифровой гигиене одобрил ограничения доступа к открытым сетям для лиц до шестнадцати лет...»

Он смахнул. Следующее.

«Минздрав рекомендует переход контрацептивов в рецептурную категорию. Инициатива направлена на стимулирование рождаемости и укрепление традиционных семейных ценностей...»

Смахнул. Третье.

«Сладкие газированные напитки... будут маркированы как товары ограниченного оборота...»

Андрей открыл банковское приложение. График платежей. Он провёл пальцем по экрану. Цифры не изменились. Закрыл приложение. В мессенджере висело сообщение от Петра Ильича: «Андрюха, премию опять перенесли. Держись. Прорвёмся». Андрей посмотрел на сообщение. Поставил кружку рядом с чайником. Не ответил.

Чайник щёлкнул. Пар вышел облаком. Андрей насыпал кофе. Зёрна пахли землёй и дымом. Он налил воду. Кружка обожгла ладонь. Он сделал глоток. Горечь разлилась по языку, отрезвляя.

Машина.

Он думал об этом месяц. Машина означала решение. Не «надо», сказанное начальником. Не «потом», сказанное им самим. Он выбирает, платит и отвечает.

Он работал в проектном бюро. Мосты, путепроводы, эстакады. Когда-то ты смотрел на реку и видел тонкую нить, несущую вес. Теперь нагрузку считал искусственный интеллект за шестнадцать секунд. Бюро оптимизировали. Табличку «проектное» сняли. Оно стало называться «оптимизированным». В коридорах горела половина ламп. В отделе осталось три человека вместо двенадцати. Пётр Ильич говорил: «Держись, Андрюха. Прорвёмся». И сам не верил.

Кредит… Андрей знал, что это значит. Во всём себе отказывать. Если сократят. Если Пётр Ильич уйдёт на пенсию и придёт менеджер с оптимизацией. Если Лена заболеет. Если дети вырастут и им понадобится больше. Кредит слишком долго, чтобы о нём не думать.

Он помнил, как в двадцать лет писал стихи на оборотах чертежей. Помнил, как верил, что мир — это не сетка координат, а поле, по которому можно идти, оставляя след. Потом пришла ипотека, потом сокращение… Потом тишина в груди, когда он понял, что просто устал…

Вчера вечером Лена стояла в дверях спальни с чашкой чая.

«Ты точно уверен?» — спросила она.

«Да», — сказал он тогда.

Она помолчала. Потом поставила чашку на подоконник — не на стол, а именно на подоконник, где её потом придётся искать.

«Кредит на семь лет, Андрей». — Она сказала это не как упрёк, а как диагноз. Как будто уже видела симптомы и знала, чем всё кончится. — «Если тебя снова... если на работе что-то случится, как мы будем платить? Ипотеку, репетиторов, кружки... Мы же не потянем».

«Потянем, Лен. Я всё посчитал. Возьму вечерние подработки и должны дать премию...»

Он сам услышал, как это прозвучало: неубедительно. Слова были правильные, а голос робкий. Он спрашивал разрешения.

«Премии у вас отменяют каждый квартал. Ты же знаешь. Почему думаешь, что в этот раз дадут?»

Он молчал. Он не знал, что ответить. Мог бы сказать: потому что я больше не могу ждать. Потому что, если я не сделаю хоть что-то, я просто сяду на пол и буду смотреть в стену. Но разве это ответ.

«Андрей, нам точно нужна машина прямо сейчас?».

«А когда?» — Он почувствовал, как голос сорвался на раздражение. — «Когда вся жизнь пройдёт? Может, я хочу пожить...»

Он ждал, что она скажет: «А мы?» Или: «А дети?» Она имела право. Но Лена лишь переставила чашку с подоконника на стол и посмотрела на него. Долго... Так смотрят на человека, которого любят и которому не могут помочь. И молча кивнула.

Андрей допил кофе. Подошел к окну. За стеклом город ещё спал. Он представил, как по этим улицам уже ездят новые машины. С датчиками, с камерами, с системами, которые знают, когда ты тормозишь слишком резко. Он отогнал мысль.

Он вернулся к спальне. Остановился на пороге.

Лена лежала на боку. Во сне её лицо теряло дневную напряженность. Исчезал педант врача, привыкший видеть симптомы. Оставалась просто женщина с морщинкой у уголка губ. Он знал, что она просыпается раньше него, но делает вид, что спит, чтобы дать ему несколько минут тишины. Знал, что она давно перестала ждать от жизни чуда, но всё ещё верит в него для детей. Её любовь была тихой, невидимой работой. Как несущая балка в перекрытии — её не видно, но без неё всё рухнет.

Он заглянул в детскую.

Катя спала на спине, раскинув руки. Шестнадцать лет. На полу валялись наушники и какие-то странные, рваные тряпки, которые она называла одеждой. Рядом с кроватью лежал телефон — экран погас, но Андрей знал, что утром Катя первым делом проверит его. «Ну и пусть проверяет» — подумал он. «Скоро, возможно, детям вообще запретят выходить в сеть без разрешения…»

Игорь спал на боку, обнимая круглый чёрный бок пылесоса. Десять лет. Андрей подарил ему Бориса на день рождения два года назад. Случайный подарок. Лишь бы что-то подарить. Игорь всем предметам давал имена. Теперь Борис был чуть ли не лучшим другом. Синий индикатор горел ровно. Андрей смотрел на сына. На руку, обнимающую пылесос. На огонёк. Во рту пересохло. «Ты обещал». Он шагнул вперёд, чтобы поправить одеяло, и остановился. Нельзя будить. Он бесшумно закрыл дверь.

В ванной он умылся холодной водой. Смотрел в зеркало. Не на лицо, а в глаза. В них жил страх. Не перед кредитом. Перед тем, что он просто устал. Что однажды он проснётся, а сил больше не будет. Что он не сможет больше тянуть эту лямку.

Он вытер лицо полотенцем. Ткань была грубой.

Оделся быстро. Темные брюки. Светлая рубашка. Пиджак, купленный три года назад. Он застегнул пуговицы. На животе одна не застегивалась, ткань предательски натянулась. Он поморщился, чуть втянул живот, дёрнул её посильнее. Пуговица выдержала, но дышать стало чуть труднее. Он вздохнул, поправил воротник.

Пора.

Глава 2

Пробуждение дома началось с холодильника. Щёлкнуло реле, и по стенам пошёл низкий гул. Из ванной доносилось редкое капанье. Потом в коридоре послышались шаги. Лёгкие, почти неслышные.

Андрей, уже одетый, сидел на кухне, глядя в остывшую гущу на дне чашки. Вошла Лена. В халате, с влажными после умывания волосами, собранными в небрежный пучок. Посмотрела на него, на чашку. На секунду оперлась плечом о дверной косяк. Потом выпрямилась.

— Ты не спал?

— Спал, — помедлив, ответил он. — Просто проснулся пораньше. Будильник разбудил, как на работу.

Она ничего не ответила. Подошла к плите, включила конфорку, поставила турку. Через минуту пахнуло горелым металлом и кофе. Лена на миг закрыла глаза.

— Сегодня за машиной, — сказал он.

Лена кивнула, не оборачиваясь.

— Документы собрал? Паспорт, права, договор.

— Да.

— Деньги?

— На карте.

Она помолчала.

— Возьми наличку. Из сейфа. На всякий случай.

Андрей хмыкнул. Лена не любила, когда всё уезжало в приложения.

— Сеть может лечь, — добавила она. — Или обновят что-нибудь ночью.

Он пошёл в спальню, к шкафу. Сейфом это называли только дома. На самом деле железная коробка, стилизованная под трёхтомник Достоевского, с простым замочком.

Лена стояла у зеркала. Левая ладонь лежала на животе, под рёбрами. Увидев Андрея, она опустила руку и поправила пояс халата. Руки у неё были бледными.

— Ты чего?

— Спазм. Наверное, вчера поела на бегу.

Андрей кивнул и полез за коробкой. Достал пачку пятитысячных. Пересчитал. Сунул во внутренний карман пиджака. На груди стало тяжелее, но надёжнее.

Вернулся на кухню.

— Очки мои не видела? — спросил он, щурясь. — Солнцезащитные. Чёрные, в тонкой оправе.

— В прихожей, на полке.

Их там не было. Он нашёл их в кармане куртки и переложил в пиджак.

Лена повысила голос:

— Катя! Подъём! Мы выезжаем через час!

В ответ тишина. Лена постучала костяшками по косяку.

— Катя, я серьёзно.

Из детской не донеслось ни звука. Лена вздохнула и вернулась к плите. Турка зашипела. Она сняла её с огня.

— Игорь, ты где?

Из коридора донёсся шорох. В дверях кухни появился Игорь. Джинсы, футболка с динозавром. В руках Борис. Робот-пылесос висел, обхваченный худыми мальчишескими руками.

— Зачем? — Лена замерла.

— Борис хочет с нами выбирать машину, — сказал Игорь.

Андрей и Лена переглянулись.

— В автобусе с ним неудобно, — сказала Лена.

— Он на коленях поедет.

— Всю дорогу?

— Значит, всю дорогу.

Андрей вздохнул. Спорить с Игорем было бесполезно. Ну и пусть.

Из детской донеслись тяжёлые, недовольные шаги. Неспешные, демонстративно медленные.

Дверь скрипнула. Катя вошла на кухню. Не смотрела ни на отца, ни на мать, ни на брата. В ушах белые наушники. Из них сочился еле слышный ритмичный стук. Она молча подошла к столу. Налила кипяток в кружку с надписью: «Я не циник, у меня просто аллергия на идиотов», сунула туда пакетик.

— Доброе утро, — процедила она.

Сделала первый осторожный глоток.

— Доброе, — отозвалась Лена. — Ты вещи собрала?

— Угу.

— Купальник?

— Мам, отстань.

— Крем от загара?

— Я хочу сгореть.

— Катя!

— Это метафора! К тому же мы сейчас в автосалон, а на море завтра. Ещё куча времени! — Она впервые подняла глаза. — Может, я хочу сгореть. В салоне. Под вашим кондиционером. Я не виновата, что папе приспичило купить кусок железа.

Андрей поставил чашку на стол. Звук вышел резче, чем он хотел.

— Не приспичило. Я покупаю её для семьи. Чтобы мы не были привязаны к расписанию электричек и воле таксистов.

— Ты не про электрички, — тихо сказала Катя.

Игорь всё так же гладил Бориса по пластиковой спине. Лена разливала кофе. Чашки звякали о блюдца.

— Может, и не про, — сказал Андрей. Голос у него сел. — Просто достало. Каждый день одно и то же. Хочу, чтобы мы куда-то поехали…

Он искал слова.

— Захотели, сели и поехали на юг. По пути купили арбузов. Разложили складные стулья в поле… поели…

Андрей замолчал. Катя смотрела на него. Потом отвернулась.

Лена поставила перед ним чашку.

— Арбуз, — вдруг сказал Игорь. — Борис не любит арбуз. От него слипаются щётки.

Катя унесла кружку в комнату. Через стену было слышно, как она бросила сумку на пол. Игорь, прижимая к груди Бориса, отправился в коридор обуваться. Лена собирала в пакет бутерброды, термос, влажные салфетки.

Андрей принялся искать ключи. Перерыл куртку, брюки, ящик в прихожей, заглянул под коврик, проверил полку с обувью. Ключей не было.

— Лена! Ты не видела ключи от квартиры?

— На тумбочке.

— Их там нет!

— Значит, в кармане твоей старой куртки.

— Я смотрел!

— Посмотри ещё раз. Внимательно.

Он посмотрел. Их не было.

— Вот они, — сказал Игорь.

Андрей вздрогнул: он не слышал шагов. Сын стоял в дверях. В одной руке Борис, в другой связка ключей. Они висели на указательном пальце, позвякивая.

— Где ты их нашёл?

— Борис нашёл. Он засосал их под диван. Они ему мешали убираться.

Андрей взял ключи. Металл был тёплым от ладони сына. Он сжал их в кулаке.

— Спасибо, Борис, — серьёзно сказал он, глядя на пылесос.

Индикатор на корпусе мигнул. Один раз.

— Он говорит «пожалуйста», — перевёл Игорь.

Андрей посмотрел на пылесос. Тот молчал.

Лена вышла в коридор, вытирая руки полотенцем. Присела на пуф, будто поправляя обувь, и не встала. Левая рука снова лежала под рёбрами.

— Ты точно в порядке?

— Да. Уже отпустило.

Она поднялась, посмотрела на Андрея, на Игоря с пылесосом, на дверь Катиной комнаты.

— Значит, так, — сказала она. — Сначала едем за машиной. Забираем, оформляем. Потом домой. Вечером соберём остальные вещи, загрузим багажник. Выезжаем завтра в семь. Успеть надо до пробок.

— Есть, капитан, — Андрей шутливо отдал честь.

— Катя, вытащи наушники. Игорь, ботинки. Выходим через пять минут.

— Ты же сказала — через час! — донеслось из комнаты.

— Я передумала.

Андрей уже стоял у двери, когда понял, что не может двинуться. Дверь уходила вглубь. Медленно, как отъезжает вагон. Дерматин потускнел, царапина у замка поползла вниз, глазок стал точкой света. За дверью была не лестничная клетка, а длинный узкий проход. В конце прохода кто-то стоял лицом к нему. Шагов двадцать, не меньше. На площадке столько не бывает.

Он моргнул.

— Ты идёшь? — Лена тронула его за локоть. Пальцы были ледяными.

— Иду, — сказал он и открыл дверь.

На лестничной клетке пахло хлоркой и чужим супом. Где-то наверху лаяла собака. Внизу гудел лифт. Они спускались. Андрей шёл первым, перепрыгивая через ступеньку.

На третьем этаже Лена задержалась у перил. Андрей обернулся. Она уже шла дальше, держась за стену кончиками пальцев.

Глава 3

До автосалона добирались с пересадкой.

Первый автобус был междугородный, новый. Пахло невыветрившимся пластиком и ароматизатором. Сиденья мягкие, кондиционер шумел едва слышно. Лена дремала, привалившись к его плечу. Катя сидела в наушниках. Игорь гладил Бориса и смотрел в окно на бетонные коробки промзон.

Андрей подумал: а зачем нам машина? Мы же едем. Удобно, недорого, ни парковки, ни бензина, ни кредита.

Мысль была липкая. Он отогнал её.

Второй автобус был рейсовый, до окраины. Старый, набитый. Люди с сумками, с детьми, с узлами. Пахло потом и кофе из термоса. Андрей стоял в проходе, держась за поручень.

За окном шла шестиполосная трасса. Он поймал себя на том, что не различает марки.

Потом увидел дым.

Чёрный, низкий, стелющийся над отбойником. За дымом — мигалки. Три машины ДПС, скорая и пожарная.

Автобус сбросил скорость. Люди потянулись к окнам.

— Господи, — сказала женщина сзади. — Там же люди.

Два автомобиля ещё держали форму: помятые, с выбитыми стёклами, но узнаваемые. Третий узнавался не сразу. Крыша ушла вниз, до сидений. Одной двери не было. Колёса вывернуло наружу.

Андрей узнал решётку радиатора. Широкая хромированная полоса с разрывом посередине, как в каталоге.

Внутри, на пассажирском, кто-то сидел и не двигался.

На асфальте лежало накрытое простынёй. Рядом — ещё одно, поменьше.

Пожарные работали у капота. Пахло горелой резиной и бензином, и ещё чем-то сладким. Запах доходил даже через закрытые окна.

— Пап, — сказала Катя. Без всякой иронии. — Это же «Атлант». Тот, который ты хотел.

Андрей не ответил.

Автобус объехал аварию. Сзади заговорили:

— Пьяный, поди.

— Да какой пьяный. Там фура была.

— Какая фура?

— Не знаю. Говорят, фура.

Женщина сзади достала телефон и стала кому-то звонить. Кто-то уже снимал.

Автобус набрал скорость.

Лена открыла глаза.

— Что случилось? Ты бледный.

— Авария. «Атлант» разбился.

— Боже.

Она взяла его за руку. Ладонь была тёплая и сухая. Дома, у двери, пальцы у неё были ледяные.

Андрей представил себя на месте того водителя. Лену рядом. Детей сзади. Его затошнило.

На конечной он вышел на негнущихся ногах. Приехали на полчаса раньше. Солнце палило, над асфальтом дрожал воздух, пахло бензином и нагретой резиной.

— Ты уверен, что хочешь туда идти? — спросила Лена.

— Мы приехали, — сказал он.

Автосалон стоял на отшибе, между шиномонтажом и складом с глухим фасадом. Стекло в три этажа. Внутри было видно всё: подиумы, машины, людей за столами. Ни одного окна, которое можно открыть.

У входа пахло тем же ароматизатором, что в первом автобусе, только гуще. И новой кожей.

Менеджер подошёл раньше, чем они успели остановиться. Молодой, худощавый, лет двадцати семи, в отглаженной голубой рубашке, галстук затянут в тугой узел.

— Добрый день! Станислав, ваш персональный менеджер. Андрей Викторович? По записи?

— Да. На тест-драйв. И… возможно, на покупку.

— Прекрасно. Проходите. Кофе, чай, вода?

— Спасибо, не надо.

— Воды, — сказала Лена. — Без газа. И детям сок, если можно.

— Конечно. Яблочный, апельсиновый, вишнёвый?

— Яблочный, — сказал Игорь, не поднимая глаз от Бориса. — Только без мякоти. Борис не любит, когда в соке плавает.

Станислав на секунду задержал взгляд на пылесосе.

— Без мякоти, — записал он в планшет. — Присаживайтесь.

Сели за стеклянный стол. Принесли воду и сок. Игорь поднёс стакан к свету, посмотрел, поставил обратно.

Машина стояла в центре, под софитом. Цвет «мокрый асфальт». Андрей поймал себя на том, что смотрит не на неё, а на своё отражение в её боку.

— Рассматриваете «Атлант»? — Станислав разложил буклеты. — Отличный выбор. Надёжный, семейный, но с характером. «Комфорт» или «Престиж»?

— «Комфорт», — быстро сказал Андрей. — В рамках бюджета.

— Понимаю. — Станислав кивнул так, будто Андрей признался в чём-то постыдном. — Но я бы посмотрел «Престиж». Кожа, подогрев задних сидений, круговой обзор, четыре дополнительные подушки. Для семьи с детьми — незаменимо.

Он повернул буклет к Лене.

— Безопасность, — повторил Андрей.

— Именно. Вы же хотите, чтобы близкие были в безопасности. Мы все хотим. Разница в платеже всего…

Он назвал цифру. Андрей прибавил её к платежу. Получилось больше, чем он рассчитывал.

— Мы подумаем.

— Конечно, думайте. Только таких машин в наличии две. Следующая поставка через полгода. Вы же не хотите ждать полгода?

Лена держала сумку на коленях, сцепив руки поверх. Потом левая ушла под рёбра. Она смотрела за стекло, на склад напротив.

— Может, сначала покатаемся? — сказала она.

— Да, — сказал Андрей. — Конечно. Тест-драйв.

— Сию минуту. Паспорт и права.

Андрей полез во внутренний карман. Паспорт зацепился за подкладку. Он дёрнул, и на стол выпали очки и сложенная пачка пятитысячных.

Очки он сунул в нагрудный карман. Деньги накрыл ладонью.

Станислав смотрел в планшет.

Андрей затолкал пачку обратно, вынул права и подвинул документы по стеклу.

— Отлично, — сказал Станислав. — Пойдёмте.

Вблизи машина была больше, чем в зале. Станислав открыл водительскую дверь. Андрей сел. Пахнуло кожей. Руки сами легли на руль, пальцы сомкнулись на прохладной обивке. Стрелки лежали на нуле.

Лена села рядом, сумку оставила на коленях. Станислав, Катя и Игорь — сзади. Игорь провёл ладонью по панели, по пластику, по стеклу.

— У неё есть имя? — спросил он.

— Что? — не понял Станислав.

— У каждой машины должно быть имя. Наша старая… ну, та, которой нет, — поправился Игорь, — была «Ласточка». А эта кто?

— Пока никто, — сказал Андрей. — Придумаем.

— Она похожа на акулу, — сказал Игорь. — Но добрую. Которая ест только планктон.

Катя фыркнула.

— Акула, которая ест только бюджет семьи.

— Катя, — сказала Лена.

— А что? Я молчу. Я вообще ничего не говорю. Я наушники надела.

Она вставила в уши белые затычки. Наушники не играли.

Андрей повернул ключ. Двигатель ожил мягко. Вибрация прошла по кузову, отдалась в руках. Он тронулся. Подвеска проглотила неровности. Он выехал за ворота, на пустынную дорогу к промзоне, и нажал на газ. Машина пошла без рывка и вжала его в кресло.

Лена посмотрела на него. Не на дорогу.

Потом поставила сумку с колен на пол.

Андрей увидел это и ничего не сказал.

— Хорошо идёт, — сказал Станислав. — Чувствуете? Турбина. На обгонах — самое то. А теперь представьте, что здесь круговой обзор. Вы видите всё по бокам. Парктроник. Контроль мёртвых зон. Это не роскошь, Андрей Викторович. Это безопасность семьи.

Андрей подумал: а у той машины на трассе был контроль мёртвых зон?

Он не стал думать дальше.

Вернулись. Снова стеклянный стол, буклеты. Андрей попросил кофе, чтобы занять руки. Станислав разложил бумаги: цифры, графики, скидки, спецпредложения.

— Андрей, — тихо сказала Лена. — Может, всё-таки «Комфорт»?

— Давай «Престиж». Я справлюсь. Найду подработку. Я не хочу, чтобы наши дети…

Он не договорил.

Лена положила ладонь поверх его руки, сжимавшей ручку.

— Хорошо, — сказала она. — Давай «Престиж».

Катя шумно выдохнула и закатила глаза к потолку, где в балках и светильниках прятались камеры. Игорь подошёл к машине, стоявшей рядом со столом, и погладил её.

— Акула, — прошептал он. — Добрая акула Ася.

— Почему Ася? — спросил Станислав.

— Потому что она красивая. И в слове «Атлант» есть буква «А». Ася — это коротко.

Станислав записал в планшет: «Ася».

— Ну, значит, будет Ася, — сказал Андрей и взял ручку.

Он подписывал не глядя. Ставил подпись там, где показывал палец менеджера. Ручка была лёгкая, с логотипом салона.

Когда он поставил последнюю, Станислав просиял.

— Поздравляю! Вы владелец великолепного автомобиля. Через час можете забирать. Страховку оформим на месте. Номера через три дня, пока поедете с транзитами.

— Спасибо, — сказал Андрей.

Хотелось сесть и посидеть.

Через час они вышли. Солнце поднялось высоко, асфальт размяк, воздух дрожал. Из ворот выкатывали новую «Асю». Капот был такой чистый, что казалось — между ним и асфальтом ничего нет.

— Пап, — Катя тронула его за рукав. — А мы правда завтра на море?

— Правда.

— И мы поедем на ней?

— На ней. На Асе.

— Странное имя для кредита, — буркнула она.

— Зато честное, — сказал Игорь. — Она не врёт. Она просто едет.

Андрей посмотрел на сына. Тот смотрел на машину, прижимая к груди Бориса.

Перегонщик вышел из машины, оставив ключи в замке. Андрей открыл дверь, сел, вдохнул запах, провёл ладонью по рулю.

— Ну что, Ася, — сказал он тихо. — Поехали домой. Завтра длинная дорога.

Мотор отозвался едва слышным урчанием. Лена села рядом. Дети сзади. Игорь пристегнул Бориса ремнём и объяснил, что ему тоже страшно, когда болтает. Катя воткнула наушники. На этот раз в них что-то играло — тягучее, медленное.

Андрей выехал со стоянки, влился в поток.

Радио включилось само. Приятный женский голос говорил: *«…ограничение доступа к деструктивному контенту позволит вырастить поколение, свободное от предрассудков и вредных привычек…»*

— Выключи, — сказала Лена.

Он выключил.

Стало слышно шины.

Андрей глянул в зеркало заднего вида. Катя в наушниках. Игорь с Борисом. Всё было на месте.

Он посмотрел на руки. Свои.

Сзади Игорь что-то говорил Борису, тихо, вполголоса. Андрей прислушался.

— Не бойся, — говорил Игорь. — Она добрая.

Глава 4

Вчера он говорил про семь. Ночью передумал.

Андрей проснулся в четыре, без будильника. За окном было серо. Он лежал, слушал холодильник и не мог придумать, зачем вставать так рано. Потом встал.

Наличные он переложил в бумажник, бумажник — во внутренний карман. Проверил два раза.

Лена молча собрала термос и бутерброды. Катя залезла на заднее сиденье с опухшим лицом и сразу надвинула капюшон. Игорь устроился рядом и пристегнул Бориса ремнём.

Ася выехала со двора почти бесшумно. Фары выхватывали мусорные баки, многоэтажки с редкими жёлтыми окнами, дворника. Город кончался не сразу: светофоры, гипермаркет, развязка. Потом между домами пошли проплешины полей.

Андрей поймал себя на том, что улыбается.

Первые сто километров проехали молча. Лена задремала, уронив голову на подголовник. Катя листала телефон. Игорь приник к окну и вполголоса говорил Борису.

— Видишь? Это поле. На нём ничего не растёт, только трава. И коровы. Коровы не умеют врать. Когда им страшно, они мычат. Когда хорошо — молчат. Сейчас им хорошо. Они просто стоят и смотрят.

Андрей слушал краем уха.

Он включил радио.

«…с завтрашнего дня в тестовом режиме запускается система распознавания лиц на всех автовокзалах и железнодорожных станциях Центрального федерального округа. В министерстве заверили, что данные будут использоваться исключительно для предотвращения правонарушений и розыска пропавших…»

Переключил.

«…законопроект о добровольной геномной регистрации новорождённых прошёл первое чтение. Инициатива направлена на раннее выявление наследственных заболеваний…»

Ещё переключение. Бодрый, почти весёлый голос ведущего ток-шоу:

«...ну а теперь — хорошие новости! С понедельника вступает в силу запрет на продажу несовершеннолетним энергетических напитков, сладкой газировки и кондитерских изделий с содержанием сахара выше десяти процентов. Забота о здоровье нации выходит на новый уровень! А как вы считаете, уважаемые радиослушатели, не пора ли ограничить и продажу фастфуда лицам до восемнадцати? Звоните в студию!»

Выключил.

— Что такое? — Лена открыла глаза.

— Да ничего. Везде одно и то же.

— А подробнее?

— Про запреты. Про контур. Про регистрацию. Скоро дышать будем по расписанию.

Лена ничего не ответила. Откинулась на сиденье, но глаза не закрыла.

Ближе к полудню свернули на заправку. Бензин, туалет, кофе из автомата. Андрей вышел размяться. Пахло нагретым асфальтом и пылью.

— Пап, смотри. — Катя показала на просвет между деревьями.

За деревьями было поле, перелески, река и небо.

— Давай остановимся, — сказала Лена. — Игорю надо размяться.

Андрей хотел сказать про график. Посмотрел на сына и кивнул.

Ася свернула на грунтовку. Остановились на площадке, усыпанной гравием. Вокруг никого. Кузнечики, трава, далёкий гул трассы.

Вышли. Пахло полынью. Игорь вытащил Бориса из машины.

— Пусть посмотрит, — сказал он. — Он никогда не видел столько неба.

Лена достала телефон. Катя отошла к высокой траве и стала смотреть вдаль.

Стёкла Аси дрогнули.

Потом пришёл гул — низкий, не дорожный. Андрей поднял голову.

Из-за поворота вышел старый «Патриот». Тонировка, битая фара, глушитель. Он затормозил так, что перегородил выезд на трассу.

Двери открылись одновременно. Трое. Первый коренастый, с бычьей шеей. Второй высокий, жилистый. Третий остался за рулём, двигатель не глушил.

— Э, слышь, земляки. — Коренастый растягивал слова. — Хорошая тачка. Дорогая, поди? А чего это вы тут, на нашей земле, без спросу гуляете?

Андрей шагнул вперёд.

— Мы просто остановились. Сейчас уедем.

— Уедете, — кивнул жилистый. — Конечно, уедете. Только сначала — дань. Местный обычай. Ну там, на бензин, на хлебушек. Вы люди не бедные, мы видим.

И в этот момент Андрей увидел.

Он бросается на коренастого, бьёт в скулу — кулак вспорол о зубы, горячо, на языке кровь. Коренастый отшатывается, сплёвывает красным и не падает.

Руки, которыми он бьёт, длиннее его рук и холоднее.

Жилистый вынимает нож из заднего кармана. Андрей перехватывает запястье, скользкое от пота. Лезвие ходит у рёбер. Он бьёт лбом в переносицу, чужая кровь на футболке.

Лена кричит. Катя стоит у машины с телефоном и не может попасть пальцем в кнопку. Игорь прижимает Бориса к груди и смотрит на отца не мигая.

Коренастый лезет в «Патриот» за битой. Андрей бьёт первым, снизу, в челюсть. Коренастый садится на гравий и улыбается розовыми зубами.

Мотор ревёт. Третий всё это время сидит за рулём. Машина разворачивается и идёт на Лену — не быстро, на второй передаче, будто есть время отойти. Катя бежит к матери. Телефон вылетает экраном в камни. Бампер ударяет глухо. Лена складывается — колени, бок, голова. Катю отбрасывает в траву, и она не встаёт.

Андрей бежит, спотыкается, падает на колени. Переворачивает Катю. Голова мотается, глаза открыты и ничего не видят. Он поднимает голову. Лена смотрит на него. Губы шевелятся, звука нет.

Дверь «Патриота» распахивается. Водитель выходит с обрезом, поднимает на уровне груди. Тёмный круг среза, и внутри ничего.

Андрей слышит, как говорит «пожалуйста». Голос не его.

Выстрел. Небо белое и горячее. Где-то далеко кричит Лена, а может, он сам. Потом тишина.

Андрей моргнул.

Гудел мотор «Патриота». Пахло пылью. Трое ждали.

Рука сама пошла в карман.

Они не звери. Зверя можно убить. Человека — нет. За человека ты сядешь. А если проиграешь — они убьют Лену. И Катю. И Игоря.

Он достал бумажник, раскрыл.

— Сколько? — Голос был низкий и спокойный.

— Андрей! — Лена шагнула к нему. — Ты что делаешь?

— Делаю, что надо. Я разберусь.

— Ты не разбираешься! Ты платишь дань отморозкам! Ты их поощряешь!

Коренастый хмыкнул.

— Слышь, баба твоя с характером. Уважаю. Но ты, мужик, не тяни.

— Пять тысяч, — сказал Андрей.

— На бензин — хватит, — согласился жилистый. — А на уважение — нет.

Он шагнул к Лене.

— А ну стоять, — сказал Андрей. Голос дрогнул. Он это услышал. — Деньги берите. И уезжайте.

Коренастый переглянулся с жилистым. Пауза.

— Слышь, командир. — Жилистый не сводил глаз с Лены. — А может, не только деньгами расплатишься? Жена красивая, молодая. Наверное, мужской ласки не хватает.

Лена убрала телефон. Катя сжала свой. Игорь прижал к груди Бориса и смотрел на отца. Не на них.

Андрей шагнул и встал между жилистым и Леной.

— Ты, — сказал он. — Бери деньги и уезжай. Сделаешь ещё шаг — я тебя убью. Не сейчас. Я запомню лицо. Я тебя найду. И убью.

Голос не дрогнул.

Он понял, что не врёт. Он сможет. Через год. Через десять лет. Он выследит каждого.

Жилистый замер. Моргнул один лишний раз.

— Дерзкий, — сказал он и отступил.

— Погнали, — махнул коренастый. — С психами не связывайся.

Жилистый пошёл к машине. Проходя мимо Андрея, ударил его в живот. Коротко, не размахиваясь.

Андрей сел на гравий. Воздуха не было. Он слышал, как под ним хрустят камни, и не мог встать.

Жилистый вернулся к Лене. Андрей видел только ноги. Кроссовки Лены, потом его ботинки. Рука легла ей на плечо, и ткань на шве разошлась.

Кроссовки попятились и упёрлись в колесо.

Сверху щёлкнула пряжка.

Лена не кричала.

— Игорь, — сказала она ровно. — Не смотри на меня.

Коренастый засмеялся и поднял телефон.

На трассе прошла фура. Водитель надавил на гудок — длинно, с доплеровским спадом. Жилистый поднял голову. Убрал руку.

— Погнали, — сказал коренастый.

Жилистый выхватил у Андрея бумажник, вынул купюры, все, и швырнул пустой в пыль. Проходя мимо Игоря, сбил Бориса у него с рук — не глядя, ногой, как сбивают шишку. Пылесос ударился о гравий и проехал на боку до колеса «Патриота».

«Патриот» взревел, развернулся, обдал их камнями. Через минуту его не было видно. Пыль оседала.

Андрей встал на четвереньки. Дышать получалось только коротко.

Игорь поднял Бориса. На корпусе шла трещина от края до щётки. Он повернул пылесос, посмотрел, прижал к груди. Индикатор мигнул и загорелся ровно.

— Он работает, — сказал Игорь. — Смотри.

Лена выдохнула — длинно, рвано. Катя убрала телефон. Пальцы у неё дрожали.

— Ты боялся, — сказал Игорь.

Андрей поднял бумажник. Отряхнул. Внутри не было ничего.

— Пап. А ты его найдёшь?

— Не знаю, — сказал Андрей.

Лена подошла. Взяла его за подбородок, повернула лицо к свету. Посмотрела один зрачок, потом другой. Отпустила.

Достала из пакета влажную салфетку. Протёрла плечо, где разошлась ткань. Бросила салфетку под ноги.

На плече у неё висела распоротая ткань. Она её не поправила.

— Поехали, — сказала она.

— Поехали.

— Я сяду за руль.

Андрей отдал ключи и сел на пассажирское.

Ася завелась с пол-оборота. Они тронулись.

Сзади всхлипнула Катя. Потом сказала, тихо и сдавленно:

— Пап… ты мог их…

— Мог, — сказал Андрей, не оборачиваясь. — И нас было бы четверо на обочине.

Он попробовал вспомнить, что было раньше: картинка или рука в кармане.

Не вспомнил.

Лена вела молча. Она не превышала.

Сзади Игорь что-то говорил Борису. Андрей не разобрал слов.

Он посмотрел на руки. Они лежали на коленях.

Глава 5

В Воронеж въехали в седьмом часу. Лена вела и знала дорогу лучше него: поворот у шиномонтажа, мост, потом налево под знак, который висел криво уже лет десять.

Дом стоял на спуске. Штукатурка облупилась до кирпича, в палисаднике - георгины и золотые шары.

Отец вышел на крыльцо с разводным ключом в руке. Мать — за ним, в переднике.

— Здорово, пап.

— Здравствуйте, Виктор Степанович, — сказала Лена. — Анна Павловна, здравствуйте.

— Доехали! Слава богу. Устали, поди. Андрюша, что с лицом?

— Нормально, мам. Устал.

Мать обняла внуков, потом Лену — поверх сумки, висящей на левом плече. Подержала, отстранила, посмотрела в лицо.

— Худая какая. Ты ешь-то?

— Ем, — сказала Лена.

Катя остановилась в дверях. Провела ладонью по стене: штукатурка, трещины, слои старой краски под краской.

Игорь внёс Бориса. Поставил в угол, вынул из пакета зарядку, свернул шнур кольцами.

— Борис устал, — сказал он.

Отец положил ключ на подоконник. Присел, повернул корпус к свету. Провёл пальцем по трещине — от края до щётки.

— Это кто же его так?

— Упал, — сказал Игорь.

Отец попробовал провернуть щётку.

— Хорошая техника, — сказал он. — Надёжная. Только смазать надо, а то заклинит.

Андрей пошёл мыть руки.

Стол накрыли у окна. Хлеб горкой, суп в глубоких тарелках, мясо толстыми ломтями.

Лена сняла сумку, поставила у ноги.

Ели молча. Ложки стучали о края.

Мать заметила плечо.

— Лена, а что с блузкой?

На шве висела распоротая ткань. Лена её не поправила.

— Зацепилась.

— Дай зашью, машинка тут.

— Потом, — сказала Лена.

Отец отложил ложку.

— Запреты, — сказал он. — Одни запреты. Раньше хоть водку в область не завозили, и то ладно. А теперь газировку детям нельзя. Гамбургеры нельзя. Ты понимаешь, что это такое?

— Не запрещают, пап. Пока. Рекомендуют воздержаться.

— Рекомендуют. — Он вытер губы салфеткой. — Забота. Раньше забота была дороги сделать. Чтоб продукты в магазине не гнили. Пенсию поднять. А теперь забота — что ты ребёнку в рот кладёшь. Удобная забота. Дешёвая.

Андрей смотрел в тарелку. Суп подёрнулся плёнкой. Он отодвинул её ложкой, плёнка сомкнулась.

— Так и до чипизации недалеко, — сказал отец, тише.

— Пап. Какая чипизация.

— Сначала добровольно. Потом для удобства. А потом без чипа ни шагу. Ни купить, ни продать.

— Это для безопасности.

Отец поднял глаза.

— Ты всегда верил телевизору, Андрюша. Сколько тебя помню. Если они про моё здоровье так пекутся — почему в поликлинике очередь на месяц?

Катя вынула телефон и положила на стол экраном вниз.

— Витя, — сказала мать. — Суп стынет.

Отец замолчал и стал есть.

Мать убрала суп, поставила второе.

— Сколько отдал? — спросил отец, не поднимая головы.

Андрей перестал жевать.

— Пять тысяч.

— Чего? — Отец поднял голову.

Лена не подняла глаз. Дети тоже.

— Я про машину. Сколько содрали в салоне?

Андрей положил ложку. Назвал.

Отец посчитал в уме.

— В кредите?

— В кредите.

— Сколько лет?

— Семь.

Отец поел. Ничего не сказал.

Мать подложила Андрею мяса. Он сказал, что хватит. Она подложила ещё.

— А море-то завтра? — спросила мать. — Успеете?

— Успеем, — сказал Андрей.

Ночью ему постелили в его старой комнате.

Простыни накрахмаленные, в синюю клетку, подушка низкая. На косяке карандашом остались отметки роста и даты. Последняя — «14 лет».

Лена легла с детьми.

За стеной ворочалась Катя. Игорь во сне говорил что-то Борису.

Куртка висела на спинке стула.

Он лёг. Полежал. Встал, снял куртку со спинки. Стул скрипнул. Достал бумажник, открыл. Внутри ничего не было.

Днём он поднял его сам, из пыли. Отряхнул. Положил в карман.

Закрыл, повесил куртку, лёг.

Через минуту встал и проверил ещё раз.

* * *

Лена лежала с открытыми глазами.

За стеной Андрей встал. Скрипнул стул. Что-то открыл, закрыл. Лёг.

Через минуту встал опять.

Она лежала и слушала. Потом стало тихо.

В стене у плинтуса шла трещина; они собирались зашпаклевать её ещё в прошлый приезд.

Под рёбрами ныло. Она знала, что это.

Полгода она лечила себе гастрит. Омепразол, диета, дробно. Гастрит так не болит. Она понимала это с первого месяца. И пила омепразол.

На ФГДС пошла сама, без направления. Врач был молодой, с дрожащими руками. Он долго возился в антральном отделе и молчал. Потом сказал медсестре: «Ещё баночку».

Она лежала, смотрела в потолок и считала баночки.

Первая биопсия дала хронический гастрит. В протоколе: стенка ригидная, складки не расправляются.

— Елена Сергеевна, вам нужно повторить.

Она повторила.

Гистология пришла в четверг, в девять вечера. Андрей смотрел футбол, Катя спорила с Игорем про Бориса. Лена открыла файл на кухне. Перстневидноклеточный рак. Закрыла ноутбук. Налила воды, выпила, стоя.

КТ с контрастом сделала через неделю. За наличные, без направления.

На обороте квитанции за электричество выписала: T4a? N2? Рука сама искала, где писать, а в карту это писать было нельзя. T и N по снимкам приблизительно. Их ещё можно было оспорить.

В заключении, второй строкой: очаги в печени, канцероматоз брюшины, образования в яичниках, свободная жидкость в малом тазу.

Она открыла снимки на ноутбуке. Увеличила печень, посмотрела в трёх фазах. Гемангиома заполняется контрастом от края к центру.

Эти не заполнялись.

Дописала: M1.

Медиану она выучила наизусть.

Она знала протокол. Знала, что скажут на консилиуме, и знала, что скажут потом, когда протокол закончится. Она сама говорила это пациентам, ровным голосом, глядя в стол.

Сначала решила: скажу после моря. Дети ждали. Андрей ждал машину.

Потом будут анализы, консилиум, химия. Порт под ключицей. Катин испуг. Игорь спросит прямо, и соврать не получится.

Потом.

Сегодня, когда жилистый шагнул к ней, она подумала: а мне-то что. Через полгода меня, может, уже не будет. А он останется с детьми. Им нужен живой отец. Даже такой. Она не сказала Кате, что он был прав. Она не была уверена, что он был прав.

Лена села. Постояла. Нащупала ногами тапки.

Половица скрипнула. Она замерла. Никто не проснулся. На кухне тикали часы. Дверь к Андрею была приоткрыта. Он спал на боку, рука свесилась. Складка между бровями разгладилась, губы приоткрылись. Она смотрела минуту. Потом три.

— Ты не должен знать, — сказала она одними губами. — Ты не справишься.

Тошнота подкатила к горлу — та, утренняя, которую она списывала на гастрит. Лена зажмурилась, переждала.

Пошла на кухню. Налила воды из-под крана, выпила, стоя.

Поставила стакан. Достала телефон, открыла заключение КТ. Прочитала вторую строку.

Положила на стол экраном вниз.

Постояла. Взяла и пошла к детям.

У порога детской положила ладонь на живот.

— Не сейчас, — сказала она. — Не здесь.

Игорь обнимал Бориса. Индикатор горел не мигая. Катя спала, наушники выпали на подушку.

Лена легла, закрыла глаза.

За стеной было тихо.

За окном серело. Золотые шары в палисаднике клонились к земле, мокрые. За сараем запел петух.

* * *

Утром на кухне пахло жареным тестом.

Андрей остановился в дверях. Мать переворачивала блины. Первый у неё никогда не был комом. Игорь сидел за столом в пижаме с динозаврами, Борис у него на коленях.

— Со сметаной, — говорил он. — И без комочков. Борис не любит комочки.

— И Борису положим, — сказала мать и поставила рядом вторую тарелку. Игорь положил на неё блин.

Отец развернул «Воронежский вестник», хмыкнул.

— В интернете враньё, — сказал отец Игорю. — И в газете враньё. Но газета хоть пахнет честно. Чернилами.

— Борис не читает, — сказал Игорь. — Он смотрит.

Отец посмотрел на трещину на корпусе. Провёл по ней ногтем.

— Смазал?

— Ещё нет.

— Значит, заклинит, — сказал отец и вернулся к газете.

Катя сидела в углу с телефоном. Заголовок читался даже от двери: «ЦИФРОВОЙ КОНЦЛАГЕРЬ: КАК НАС ГОТОВЯТ К ТОТАЛЬНОМУ КОНТРОЛЮ». Палец скользнул, замер, ткнул — и тут же ткнул снова. Она огляделась, увидела его и погасила экран.

Андрей вошёл. Она не подняла глаз.

— Дедуль, а ты сам-то в интернете читаешь?

— Я не читаю. Мне Колян присылает. Он разбирается.

Лена сидела с чаем. При появлении Андрея она тоже не подняла глаз. Спина чуть напряглась.

— Худой стал, — сказала мать. — Ешь.

Он взял блин. Есть не хотелось.

— Андрей, — сказал отец негромко. — Выйдем. Покурим.

— Я не курю, пап.

— А я курю. Пошли.

На крыльце было холодно. Качели у забора заржавели, но держались. Отец достал «Беломор», закурил.

— Я вчера видел твоё лицо. И Ленкино. Что было?

Андрей рассказал. Про грунтовку, про троих, про бумажник. Про то, что увидел до.

Отец слушал, не перебивая.

— Номер запомнил?

— Нет.

— А надо было.

Он стряхнул пепел в жестянку у перил.

— Заявление не пиши. Найдут через камеры, приедут к тебе домой. Оно тебе надо?

Андрей молчал.

— Лена на тебя как на слабака смотрит, — сказал отец. — Я вчера видел. Это пройдёт.

Андрей смотрел на качели.

— Со мной такое было, — сказал отец. — В восемьдесят четвёртом.

— И что ты сделал?

Отец докурил. Затушил окурок о край банки, бросил внутрь.

— Пошли. Мать блины стынут.

У крыльца он полез в карман халата, достал сложенные бумажки, сунул Андрею.

— Возьми.

— Пап, не надо.

— Не считай при мне.

Из дома вышла Лена с термосом.

— Пора. Пока трасса пустая.

Мать совала в руки пакеты с пирожками и банками.

— Спасибо, Анна Павловна, — сказала Лена.

— Да что ты, дочка.

Отец взял её за плечи.

— Береги его, Лена.

Она кивнула.

Отец вернулся в дом и вышел на крыльцо с пузырьком в руке. Присел перед Игорем. Суставы хрустнули.

— Держи. Масло машинное. Смажешь ему щётку, как приедете.

— Сам?

— Сам. Не забудь.

Игорь взял пузырёк двумя руками.

Лена достала ключи и протянула Андрею. Он взял.

Ася выехала со двора. Мать махала от калитки, пока они не повернули.

Сзади Игорь говорил Борису, вполголоса. Андрей прислушался.

— …дедушка тоже боится. Он не сказал. И ты не умеешь. Ничего. Я буду бояться за нас обоих.

Андрей смотрел на дорогу.

В кармане лежали отцовские деньги. Он не стал считать.